

ДЖОЗЕФИНА ТЭЙ

ПОЮЩИЕ ПЕСКИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Т96

Серия «Эксклюзивная классика»

Josephine Tey
THE SINGING SANDS

Перевод с английского Ж. Грушанской
Серийное оформление А. Фереца, Е. Фереца
Дизайн обложки В. Воронина

Тэй, Джозефина.
Т96 Поющие пески : [роман] / Джозефина Тэй ; [перевод с английского Ж. Грушанской]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-191268-0

Инспектор Алан Грант едет ночным поездом в отпуск в Шотландию. Утром, по прибытии на станцию, он случайно обнаруживает в соседнем купе труп молодого француза Чарльза Мартина и машинально подбирает с пола газету, которую молодой человек читал незадолго до смерти.

Полиция не считает нужным расследовать дело, полагая, что смерть пассажира наступила вследствие естественных причин, однако Грант уверен, что полиция ошибается. Ему не дает покоя стихотворение о поющих песках, которое Чарльз Мартин набросал на полях газеты...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-191268-0

© Перевод. Ж. Грушанская,
наследники, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава первая

Март, шесть часов утра. Еще совсем темно. Длинный поезд, слегка позвякивая на стыках, приближается к станции, проходя сквозь мутноватый свет фонарей на подъездных путях. Вот проплыло яркое пятно, отбрасываемое огнями сортировочной, состав скользнул под единственный изумруд среди россыпи рубинов сигнального моста и стал подходить к ожидавшей его серой пустынной платформе под стальными аркадами.

Лондонский почтовый заканчивал свой рейс.

Пятьсот миль промчался он в темноте, отойдя накануне вечером от Юстонского вокзала. Пятьсот миль мимо залитых лунным светом полей и спящих деревень, мимо утонувших во тьме городов с никогда не гаснущим над ними заревом заводских труб, пятьсот миль дождя, тумана, мороза, водяной хляби и снежных шквалов, туннелей и виадуков. Но вот в холодном раннем мартовском утре на его пути появились холмы, и поезд неторопливо замедлил ход, чтобы, придя к конечной цели, отдохнуть наконец после долгих трудов. И только одному человеку в перепол-

ненном длинном составе не дано было вздохнуть с облегчением, что путь позади.

Среди тех, кто все же вздохнул, двое испытали неизъяснимую радость, граничащую с восторгом. Один был пассажиром, другой — железнодорожным служащим. Пассажира звали Алан Грант, служащего — Мердо Галлахер.

Мердо Галлахера, проводника спального вагона, на пути от Терсо до Торки единодушно ненавидели все, потому что целых двадцать лет Мердо держал пассажиров в страхе и нагло вымогал у них мзду. Разумеется, звонкой монетой. Словесную дань каждый мог приносить, как ему заблагорассудится. В вагонах первого класса Мердо был известен под кличкой Йогурт. (О господи, опять старый Йогурт! — говорили там, когда его кислая физиономия показывалась в заполненном клубами пара мраке Юстона.) Пассажиры третьего класса наделяли его многими прозвищами, весьма откровенными и образными. До того, как звали Мердо его коллеги, никому не было дела. Только три человека за все годы сумели чего-то добиться от Мердо: ковбой из Техаса, ефрейтор Шотландского Камероновского полка ее величества и оставшаяся неизвестной маленькая кокни из вагона третьего класса, которая пригрозила стукнуть его по лысине бутылкой из-под лимонада. Ни занимаемое положение, ни личная доблесть не действовали на Мердо: он ненавидел первое и отрицал второе; однако он очень боялся физической боли.

Все двадцать лет Мердо Галлахер выполнял лишь абсолютный минимум того, что ему полагалось. Не успел он поработать и неделю, как работа наскучила ему; однако он нашел, что это богатая жила, и остался разрабатывать ее. Если вы получали утренний чай от Мердо, чай был жидким, сухарики мокрыми, сахар грязным, поднос заляпанным, ложка отсутствовала; однако, когда Мердо приходил собирать подносы, протесты, которые вы намеревались произнести, замирали у вас на устах. Время от времени какой-нибудь адмирал флота или еще кто-нибудь подобного ранга рисковал высказать мнение, что чай отвратителен, черт побери, но в массе своей публика улыбалась и платила за все сполна. Двадцать лет они платили, запуганные и подавленные наглым вымогательством. А Мердо собирал. Теперь он был владельцем виллы в Дануне, сети торгующих рыбой лавочек в Глазго и весьма солидного счета в банке. Он мог уйти на покой уже несколько лет назад, но ему была невыносима мысль, что он потеряет полную пенсию, и потому он продолжал терпеть скуку, а в качестве утешения не беспокоил себя приготовлением утреннего чая, пока пассажиры не напоминали ему об этом; иногда же, когда ему очень хотелось спать, он и вовсе забывал о своих обязанностях. Каждый раз он с облегчением приветствовал конец рейса, как отбывающий наказание человек, которому осталось сидеть совсем недолго.

Алан Грант, глядя на проплывающие мимо запотевших окон подъездные огни и прислушиваясь к мягкому перестуку колес, радовался, потому что для него конец пути означал конец ночных мучений. Грант провел ночь, всеми силами стараясь удержаться и не открыть дверь в коридор. Не заснув ни на мгновение, он лежал в своем дорогом купе первого класса и потел. Он потел не потому, что в купе было жарко — кондиционер работал прекрасно, — а потому (о несчастье! о стыд! о горе!), что это купе представляло собой Тесное Замкнутое Пространство. С точки зрения обычного человека, купе было аккуратным небольшим помещением с полкой для лежания, умывальником, зеркалом, сетками разного размера для багажа, полочками, которые по желанию легко могли выдвигаться и убираться, ящичком для ценностей, которые могут оказаться у пассажира, и крючком для отстегнутых карманных часов на цепочке. Однако для несчастного заболевшего клаустрофобией, преследуемого страхами, оно было Тесным Замкнутым Пространством. Переутомление, так назвал это доктор.

«Побездельничать немного, попасться на воле», — рекомендовал доктор с Уимпол-стрит, кладя одну ногу на другую и с наслаждением разглядывая свои элегантные брюки.

Грант не мог представить себя без дела, а «попасться» считал отвратительным словом и презренным занятием. «Попасться». Откармливаться.

Бездумное удовлетворение животных желаний. Еще чего — пасться! Сам звук этого слова был оскорбителен. Как храп.

— У вас есть какое-нибудь хобби? — спросил доктор, переводя свой восхищенный взгляд с брюк на ботинки.

— Нет, — коротко ответил Грант.

— А что вы делаете в отпуске?

— Ловлю рыбу.

— Ловите рыбу? — произнес психотерапевт, отрываясь от своего нарциссианского занятия. — И вы не рассматриваете это как хобби?

— Конечно, нет.

— Что же это, как вы считаете?

— Что-то между спортом и религией.

На что Уимпол-стрит улыбнулась, стала выглядеть совершенно человеческой и начала убеждать Гранта, что его излечение — всего лишь дело времени. Времени и отдыха.

Ладно, в конце концов он все-таки справился с этим и не открыл дверь прошлой ночью. Но триумф достался ему дорогой ценой. Грант был опустошен, вычерпан до дна, он стал ходячим ничто. «Не боритесь с этим, — сказал доктор. — Если захочется выйти наружу, выходите». Однако открыть дверь прошлой ночью означало бы равносильное смерти полное поражение, после которого, он чувствовал, исцеления быть не могло. Это была бы безоговорочная капитуляция перед силами Иррационального. Поэтому он лежал

и потел. И дверь оставалась закрытой. Теперь же, в темноте раннего утра, холодной, равнодушной темноте, Грант вовсе не воспринимал это как свое достижение, скорее так, будто он все же проиграл. «Наверно, так чувствуют себя женщины после долгих родов, — подумал он с присущей ему способностью беспристрастно рассуждать, которую заметила и одобрила Уимпол-стрит. — Но там по крайней мере появляется ребенок, которого можно показать. А что у меня?»

«Моя гордость», — предположил он. Гордость тем, что он не открыл дверь, которую не было никаких причин открывать. О Боже!

Он открыл дверь теперь. Открыл неохотно — с иронией отметив эту неохоту и одновременно радуясь ей. Как отвратительно, что наступило утро, что надо дальше жить. Хотелось броситься обратно на скомканную постель и спать, спать, спать.

Грант поднял свои два чемодана (Йогурт и не подумал предложить вынести их), сунул под мышку пачку непрочитанных газет и вышел в коридор. Маленький тамбур в ближнем конце вагона был почти до потолка забит багажом тех, кто дал щедрые чаевые, так что дверь была еле видна; поэтому Грант направился во второй вагон первого класса. Его ближний тамбур тоже оказался чуть не по пояс загроможден вещами «привилегированных», и Грант двинулся к двери в дальнем конце вагона. В это время из своей норы в другом конце коридора появился сам Йогурт, который собирался

довести до сведения номера Б-Семь, что они уже подъезжают к вокзалу. Законным правом номера Б-Семь, как и любого другого пассажира, было оставаться в поезде после его прибытия и покинуть его тогда, когда ему это будет удобно, но Йогурт, конечно же, не намеревался торчать тут, пока кто-то высыпается. Поэтому он громко постучал в дверь купе Б-Семь, открыл ее и вошел.

Когда Грант поравнялся с открытой дверью, Йогурт дергал за рукав лежавшего на полке полностью одетым пассажира Б-Семь и повторял, задыхаясь от раздражения: «Ну, сэр, ну же! Мы приехали!» Когда тень Гранта заслонила дверной проем, Йогурт оглянулся и произнес с отвращением: «Пьян в стельку!»

В купе, заметил Грант, пахло виски так, что хоть топор вешай. Машинально Грант поднял газету, которая от дерганий, производимых Йогуртом, соскользнула на пол, и расправил пиджак на лежавшем.

— Вы что, не видите, что он мертв? — спросил Грант. Сквозь туманную завесу собственной усталости он услышал свой голос, говоривший: «Вы что, не видите, что он мертв?» — как будто это было нечто само собой разумеющееся. Вы что, не видите, что это подснежник? Вы что, не видите, что это Рубенс? Вы что, не видите, что это мемориал Альберта?

— Мертв! — взвыл Йогурт. — Не может быть! Мне же нужно уходить!

«Вот и все, что это означает для мистера Пропади-Его-Душа-Галлахера», — отметил Грант из своего очень далекого далека. Кто-то покончил счеты с жизнью, сменил тепло, чувства, ощущения на небытие, а для Пропади-Его-Душа-Галлахера это означало только то, что ему придется задержаться на работе.

— Что мне делать? — простонал Йогурт. — Откуда я мог знать, что кто-то допьется до смерти у меня в вагоне! Что мне делать?

— Сообщить в полицию, конечно, — сказал Грант и впервые за долгое время осознал, что от жизни можно получать удовольствие. Он испытывал извращенное, мрачное удовольствие оттого, что Йогурт в конце концов встретил достойного противника: человека, которому нет необходимости давать ему на чай, человека, который доставит ему больше неудобств, чем это удалось кому бы то ни было за все двадцать лет службы Мердо Галлахера на железной дороге.

Грант снова посмотрел на молодое лицо под взъерошенными темными волосами, вышел из купе и пошел по коридору. Мертвецы не входили в круг его обязанностей. В свое время он достаточно отзанимался ими, и хотя сердце его так и не потеряло способности сжиматься оттого, что отменить смерть невозможно, все же она не могла больше потрясти его.

Колеса перестали постукивать, послышался долгий глухой звук, который издает поезд, подхо-

дя к перрону. Грант опустил окно и стал смотреть, как убегает назад серая лента платформы. Холод подействовал как удар в лицо, он задрожал и не мог справиться с дрожью.

Опустив оба свои чемодана на платформу, Грант стоял (трясаясь, как проклятая обезьяна, подумал он с обидой на самого себя) и мечтал на время умереть. Каким-то самым дальним уголком своего мозга он понимал, что дрожать от холода и болезни нервов на станционной платформе в шесть часов утра зимой в конечном счете было привилегией живых, доказательством того, что он жив; только ох как прекрасно было бы временно умереть и потом ожить в какой-нибудь более счастливый момент.

— В отель, сэр? — спросил носильщик. — Я отнесу, только вот разделаюсь с этим багажом на тачке.

Грант стал подниматься по деревянным ступеням виадука, которые вздыхали под его ногами, как глухой барабан; большие клубы пара поднимались снизу и плавали вокруг него. Звуки отдавались эхом от темного свода над его головой. Все, кто писал про ад, ошибались, подумал Грант. Ад — это не уютное местечко, где вас поджаривают. Ад — это огромная гулкая холодная пещера, где нет ни прошлого, ни будущего; черная, отзывающаяся эхом пустота. Ад — это квинтэссенция зимнего утра после бессонной ночи, полной отращения к самому себе.

Он вышел на пустую площадь, и ее неожиданная тишина успокоила его. Темнота была холодной, но ясной. Слабый сероватый свет говорил о приближении утра, а доносившееся дыхание снегов с их чистотой — о близости «вершин». Позже, когда наступит день, в отель придет Томми, заберет его, и они уедут прочь отсюда — в огромную ясную страну гор, в просторный, неизменный, не задающий вопросов мир, где люди умирают только в своих постелях и где никто и не думает закрывать двери просто потому, что это слишком хлопотно.

В ресторане отеля лампы горели только в одном углу зала, и в сумраке неосвещенного пространства виднелись ряды голубых столов с обтянутыми байкой крышками. Никогда раньше, подумал Грант, он не видел ресторанные столы непокрытыми. Лишенные своих белых доспехов, они выглядели очень жалкими, ободранными. Как официанты без манишек.

Девочка в черном форменном платье и зеленом, вышитом цветами вязаном пальто высунула голову из-за ширмы и, казалось, была поражена, увидев Гранта. Он спросил, что можно получить на завтрак. Она вынула из буфета графинчик и поставила его на скатерть перед Грантом с таким видом, как будто подняла занавес над сценой.

— Я пошлю к вам Мэри, — улыбнувшись, сказала девочка и ушла за ширму.

Сервис, подумал Грант, потерял церемонность и блеск. Он стал тем, что домашние хозяйки называют «высушено, но не выглажено». А обещание «прислать Мэри» иногда маскирует вышитые пальто-джерси и тому подобные вольности.

Мэри оказалась пухлой спокойной девушкой, которую неизбежно звали бы Нанни, если бы Нанни не вышли из моды; при ней Грант почувствовал, что расслабился, как расслабляется ребенок в присутствии доброжелательного взрослого. Хорошенькое дело, подумал Алан с горечью, если мне так нужна страховка, что даже толстушка официантка из отеля может дать мне ее.

Однако он съел все, что она поставила перед ним, и почувствовал себя лучше. Потом она вернулась, убрала нарезанный кусками хлеб и поставила вместо него тарелку со свежими местными булочками.

— Это вам бапы, — сказала она. — Их только что привезли. Теперь они стали не те, жевать в них нечего. Но они лучше, чем этот хлеб.

Она подвинула джем поближе к Гранту, посмотрела, хватит ли ему молока, и опять ушла. Грант, который не собирался больше есть, намазал бап маслом и потянулся за одной из непрочитанных накануне газет. В руки ему попала лондонская вечерняя, и он посмотрел на нее с удивлением. Разве он покупал вечернюю газету? Да нет же, он, конечно, прочел вечернюю газету в обычное время — в четыре часа пополудни. Зачем же покупать

еще одну в семь часов вечера? Или покупка вечерней газеты стала рефлекторным действием, таким же автоматическим, как чистка зубов? Освещенный киоск — вечерняя газета. Так, что ли?

Это был «Сигнал», вечерний голос утренней «Клэрион». Грант снова просмотрел заголовки, виденные накануне, и подумал, как постояннен их подбор. Газета была вчерашней, но могла быть прошлогодней или будущего месяца. Заголовки вечно будут одни и те же: заседание Кабинета, труп блондинки в Мейда-Вейл, скандал на таможне, грабеж с применением оружия, приезд американского актера, уличное происшествие. Грант отодвинул газету, но, протягивая руку к тарелке за еще одним бапом, заметил, что на полях ее что-то нацарапано карандашом. Грант перевернул газету, чтобы посмотреть, что это за расчеты. Однако оказалось, что это не спешные подсчеты мальчишки-газетчика. Это был набросок чьих-то стихов. О том, что эти стихи кто-то написал сам, а не пытался вспомнить что-то забытое, можно было судить по нетвердому почерку и по тому, что автор заполнил две недостающие строки точками по числу необходимых слогов, — прием, к которому прибегал и сам Грант в те дни, когда считался лучшим в шестом классе сочинителем сонетов.

Однако на сей раз стихотворение было не его.

И вдруг Грант понял, откуда взялась газета. Он подобрал ее, и это было еще более машинальным действием, чем покупка вечернего выпуска. Она

соскользнула на пол в купе Б-Семь, а он ее подобрал и сунул себе под мышку. Сознательная часть его мозга — или то, что от нее оставалось после прошедшей ночи, — протестовала против беспорядка, который устраивал Йогурт среди вещей беспомощного человека. В качестве как бы намеренного упрека Йогурту Грант стал расправлять пиджак на лежащем, а для этого ему потребовалась свободная рука, вот газета и перекочевала под мышку — к другим.

Значит, молодой человек со взъерошенными темными волосами и бесшабашными бровями был поэтом — так, что ли? Грант с интересом взглянул на нацарапанные карандашом слова. Похоже, автор намеревался написать стихотворение из восьми строк, но не смог придумать пятую и шестую, и потому весь набросок выглядел так:

Звери заговорившие,
Реки застывшие,
Шевелящиеся скал куски,
Поющие пески —
.....
.....
Вот что охраняет
Дорогу в рай.

Да, очень странно во всех отношениях. Начало белой горячки? Естественно, обладатель такого неординарного лица вряд ли увидит в своих алкогольных снах что-нибудь банальное, например